

Драматическія произведенія Гоголя.

(Замѣтки и наблюденія.)

Талантъ Гоголя, какъ извѣстно, былъ не менѣе великъ въ драмѣ, нежели въ эпосѣ. Его изумительная способность почти мгновенно схватывать и съ яркимъ, неподражаемымъ комизмомъ воспроизводить не только голосъ, жесты, приемы, самый складъ рѣчи наиболѣе близкихъ ему лицъ, но часто даже едва уловимыя внутреннія ихъ черты,—рано или поздно не могла не увлечь его въ область драматической поэмы. Создавать изъ предполагаемыхъ разговоровъ живыя, глубоко комическія сцены и положенія—во всю жизнь, съ самаго дѣтства, было потребностью и любимымъ развлеченіемъ нашего писателя. Въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о немъ безпрестанно встрѣчаются рассказы о томъ, какъ онъ юношей превосходно копировалъ своихъ профессоровъ, разныхъ знакомыхъ своей матери, а въ зрѣлыхъ годахъ съ необычайною легкостью рисовалъ передъ своими собесѣдниками во весь ростъ людей, чѣмъ-нибудь остановившихъ на себѣ его вниманіе, отъ знаменитаго итальянскаго ученаго Меццофанти до послѣдняго полового на постояломъ дворѣ.¹⁾ Часто при этомъ, благодаря нимъ и другимъ способамъ непосредственной передачи множества мелкихъ, но характеристическихъ оттѣнковъ рѣчи изображаемыхъ лицъ, послѣднія съ такою яркостью выступали передъ глазами слушателей, что неизвѣстныя или даже вымышленныя лица представлялись имъ давними знакомцами. Мысль воспользоваться этимъ счастливымъ даромъ впервые блеснула Гоголю послѣ его перваго успѣшнаго литера-

турнаго дебюта въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Съ этихъ поръ онъ не оставлялъ комедіи до времени исключительнаго погруженія въ главную задачу своей жизни—въ созданіе «Мертвыхъ Душъ».

При изученіи драматическихъ произведеній Гоголя, служившихъ всегда отраженіемъ накопившихся въ душѣ его художественныхъ образовъ, захваченныхъ его памятью въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, весьма существенную трудность представляетъ недостатокъ вполне точныхъ хронологическихъ данныхъ о томъ, въ какой послѣдовательности и какъ именно создавались и обрабатывались они авторомъ. Такія трудности почти вовсе неизвѣстны изслѣдователямъ Пушкина и большинства другихъ писателей и объясняются прежде всего неопредѣленностью датъ, указываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ самимъ Гоголемъ, а часто даже и совершеннымъ ихъ отсутствіемъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что даже послѣ прекрасныхъ и вполне обстоятельныхъ примѣчаній къ сочиненіямъ Гоголя академика Н. С. Тихонравова, вопросъ все-таки не можетъ считаться безусловно исчерпаннымъ, и мы позволимъ себѣ поэтому высказать съ своей стороны нѣсколько новыхъ соображеній о времени появленія драматическихъ пьесъ изъ-подъ пера автора и ихъ отношеній къ другимъ произведеніямъ нашего писателя. Намъ кажется, что на помощь въ данномъ случаѣ можно до нѣкоторой степени призвать послѣдовательность въ появленіи въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя одинаковыхъ или сходныхъ художественныхъ образовъ, преимущественно занимавшихъ въ тотъ или другой періодъ его творческую фантазію, также пересмотръ матеріаловъ для заимствованныхъ имъ сюжетовъ, и, наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что, подобно другимъ произведеніямъ, и драматическія пьесы Гоголя создавались постепенно изъ тѣхъ первоначаль-

¹⁾ См., напр., «Записки о жизни Гоголя» т. II, стр. 6, «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 211—212, «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 19.—Мастерскими рассказами и чтеніемъ Гоголя любовался, между прочимъ, и Бѣлинскій («Литерат. воспом.» Панаева, стр. 399).

ныхъ отрывочныхъ набросковъ, которые сохранились въ записныхъ книжкахъ автора. Намѣтивъ здѣсь довольно широкую, можетъ быть, программу для изслѣдованій о Гоголѣ въ данномъ направленіи, мы не принимаемъ на себя, однако, нелегкаго труда исполнить ее во всемъ объемѣ, и ограничимся только *указаніемъ* нѣкоторыхъ соображеній.

Комедія, начиная съ 1832 г., надолго становится любимымъ предметомъ и главной задачей творчества Гоголя. Къ лѣту этого года, какъ мы знаемъ изъ воспоминаній Аксакова, у него сложился уже вполне опредѣленный и замѣчательно вѣрный взглядъ на задачи и сущность этого рода поэзіи, безъ всякаго сомнѣнія, не только подсказанный свѣтлымъ инстинктомъ художника, но зрѣло обдуманый и выработанный серьезно упорнымъ и сознательнымъ трудомъ мысли. Соображенія, высказанныя Гоголемъ Аксакову случайно и мимоходомъ, при всей ихъ простотѣ и непритязательности, произвели на этого опытнаго и умнаго литератора впечатлѣніе какаго-то новаго слова, какаго-то художественнаго откровенія. Съ другой стороны, въ набросанныхъ Гоголемъ въ 1832 г. «Матеріалахъ общихъ» мы находимъ такія мысли, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ какомъ онъ предполагаетъ создавать свои комедіи, выработанное, въ свою очередь, жизненнымъ опытомъ и наблюденіями автора. Въ «Матеріалахъ общихъ» у Гоголя значится: «Старое правило: уже хотеть достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ поимѣшательство и отдаленіе желаннаго предмета на огромное разстояніе». ¹⁾ Эти незначительныя, повидному, слова являются, въ самомъ дѣлѣ, программой для всей драматической дѣятельности Гоголя и вездѣ они примѣняются къ главному герою комедіи. Вспомнимъ городничаго, Ихарева и чиновника, поимѣшавшагося отъ неполученія ожидаемаго ордена. Мало того: и въ эпическихъ произведеніяхъ Гоголя нерѣдко повторяется то же самое («Шинель», «Мертвыя Души»). Также всецѣло могутъ быть отнесены къ каждой изъ комедій Гоголя слѣдующія затѣвъ строки въ общихъ матеріалахъ: «Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ.» Указанное обстоятельство даетъ намъ право остановиться на нѣкоторыхъ общихъ особенностяхъ всѣхъ драматическихъ пьесъ Гоголя.

¹⁾ Соч. Гог., изд. II, т. II, стр. 734 и 451. См. факсимиле въ № 5 „Артиста“. Выраженіе одного изъ набросковъ: „фуфайку, надобно вамъ знать, сударня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой“ почти безъ измѣненія вошло въ текстъ комедіи (стр. 451), но сказано самому Ивану Петровичу, а не женѣ его, какъ первоначально предполагалось („сударыня“).

II.

Главной особенностью натуры Гоголя была его глубокая оригинальность, рѣзко выдѣлявшая его изъ толпы и оставившая яркій отблескъ на его сочиненіяхъ. Всегда и вездѣ онъ оставался въ строгомъ смыслѣ слова самимъ собой, съ своей характерной, чисто-національной украинской нравственной физиономіей, нисколько не принимая того спеціальнаго отпечатка, который налагаютъ почти на cadaго профессія, обстановка, условія жизни. При встрѣчѣ каждый видѣлъ въ немъ прежде всего малороссіянина; но трудно было бы замѣтить въ его характерной малороссійской фигурѣ отраженіе какихъ-либо типическихъ признаковъ бывшаго чиновника, профессора или писателя ¹⁾. Такимъ же оригинальнымъ самородкомъ являлся Гоголь въ своей литературной дѣятельности, въ своемъ творчествѣ, по глубоко-справедливому замѣчанію одного критика, находившаго что «въ развитіи своемъ Гоголь былъ независимъ отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ писателей». Эту-то самобытность его натуры и таланта необходимо имѣть въ виду прежде всего, въ какомъ бы мы отношеніи ни стали разсматривать Гоголя.

Какъ писатель драматическій, кромѣ обычныхъ его свойствъ тонкой наблюдательности, умѣнія въ высокой степени правдиво, просто и ярко воспроизводить окружающую жизнь, Гоголь отличается еще тѣмъ, что у него комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ обыкновенно создается не внѣшними условіями и не одной только въ нихъ комической стороной, какъ-то: алчностью, невѣжествомъ, хвастовствомъ; въ комическое положеніе не *фатально* попадаютъ дѣйствующія лица, становясь жертвой судьбы или обмана со стороны другихъ людей, но, напротивъ, они сами ставятъ себя въ него безпрестанно какими-нибудь нелѣпыми поступками и соображеніями. Какъ бы наблюдая ихъ съ особенно выгодной позиціи, авторъ сразу видитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, тогда какъ

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что „въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ, было что то не профессорское, а учительское, напоминавшее преподавателей въ провинціальнхъ институтахъ и гимназіяхъ“ (соч. И. С. Тургенева, т. I, стр. 69),—но, во-первыхъ, этотъ отзывъ остается одинокимъ во всей обширной литературѣ о Гоголѣ, во-вторыхъ—относится къ позднѣйшимъ годамъ его жизни, когда Гоголь давно уже оставилъ свою непродолжительную преподавательскую дѣятельность, да и самъ Тургеневъ былъ далеко отъ мысли ставить свое летучее наблюденіе въ связь съ предшествующей дѣятельностью Гоголя. О впечатлѣніи, производимомъ Гоголемъ въ послѣдніе годы, см. также въ воспоминаніяхъ г. Берга („Русск. Стар.“, 1872, 1, 119, 120).

обыкновенному взору были бы доступны лишь некоторые. Комизмъ безпрестанно поддерживается и возвышается во все продолжение дѣйствія явной неспособностью дѣйствующихъ лицъ смотрѣть на свое положеніе просто и разумно, тогда какъ, благодаря тонкой проницательности автора и искусному руководству имъ зрителей, это становится легко для самаго зауряднаго изъ послѣднихъ. Верхъ совершенства представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстная встрѣча Хлестакова и городничаго; но съ не менѣе поразительной яркостью выступаетъ это искусство во всей пьесѣ «Театральный Развѣздъ», гдѣ мнѣнія и толки, не только возможные, но существовавшіе на самомъ дѣлѣ и даже не казавшіеся въ свое время особенно уродливыми и безобразными, эти самые безцвѣтные и пустыне толки, озаренные могучей силой истиннаго комизма, безъ всякой натяжки и, тѣмъ болѣе, карикатуры, выдаютъ головой тѣхъ, кѣмъ они высказывались; мало того, во многомъ они должны быть признаны имѣющими до извѣстной степени общечеловѣческое значеніе и возможными всюду и во всѣ времена, такъ какъ, передавая ихъ въ художественной формѣ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ схватить вообще типическія черты взглядовъ и сужденій пестрой толпы, высказываемыхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ спектакля.

Другой, не менѣе важной отличительной особенностью драматическихъ произведеній Гоголя можно считать то, что заблужденія комическихъ лицъ представляются у него послѣднимъ тѣмъ убѣдительно и несомнѣнно, чѣмъ невѣроятнѣе они кажутся при нормальномъ взглядѣ на вещи, — и при всемъ томъ Гоголь ни мало не впадаетъ въ карикатуру и ни на шагъ не отступаетъ отъ требованій самаго строгаго реализма. Во многихъ герояхъ Островскаго единственными или значительно преобладающими источникомъ комизма служатъ ихъ самоудруство, забитость и проч.; у Гоголя комизмъ Хлестакова или городничаго заключается не въ одномъ хвастовствѣ и легкомысліи перваго или въ преступной корыстности послѣдняго, но оба они, кромѣ того, различными образомъ безпрестанно обращены къ зрителямъ съ комическихъ сторонъ, такъ какъ имъ не удается прямо взглянуть на вещи и увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, какъ это часто бываетъ и въ жизни, но лишь раскрывается въ ней слишкомъ поздно. Вообще, конечно, эта способность взглянуть на дѣло толково и просто встрѣчается въ дѣйствительности несравненно рѣже, нежели какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда, и изображеніемъ этого, въ высокой степени жизненнаго и реальнаго, явленія пользовался Гоголь въ своихъ комедіяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Не грозная дѣйствительность» — говоритъ Бѣлинскій о го-

родничемъ — «а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти должны были наказать челоѣка призраковъ». ¹⁾ Жертвы обмановъ въ комедіяхъ Гоголя попадаютъ въ свое жалкое положеніе обыкновенно не въ силу чьего-либо злого умысла, который если и бываетъ иногда въ наличности, то не иначе, какъ играя второстепенное значеніе въ ходѣ пьесы, но въ силу дѣлаго естественнаго сдѣленія обстоятельствъ и возбуждаемыхъ ими недоразумѣній, главнымъ же образомъ, по винѣ *собственной* порочности и оплошности дѣйствующихъ лицъ. Что этотъ приемъ имѣетъ далеко не случайное, но, напротивъ, самое существенное и глубоко обдуманное значеніе въ «Ревизорѣ», ясно уже изъ того, что также и въ другихъ пьесахъ Гоголя комическихкія лица видятъ себя въ концѣ пьесы одураченными и опозоренными *непретѣнно по собственной винѣ*. Какъ въ «Ревизорѣ» для городничаго не остается больше никакого утѣшенія, кромѣ расточаемыхъ имъ самому себѣ брани и упрековъ, такъ точно въ «Игрокахъ» Ихаревъ принужденъ сознаться, что положеніе каждаго мошенника, рассчитывающаго на свою «тонкость ума и развитіе», благодаря которымъ онъ надѣется всѣхъ обмануть и не быть обманутымъ самому, всегда непрочно, потому что того и гляди, «тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ, мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ». ²⁾ Этого недостаточно; онъ принужденъ сознаться, что дѣла поправить невозможно: винить некого и жаловаться онъ не имѣетъ права, такъ что совершенно напраснымъ оказывается его отчаянный и бессильный вопль: «законъ! законъ! законъ призову!» Въ этомъ убійственномъ сознаніи своей вины и беспомощности какъ городничаго, такъ и Ихарева, и заключается глубокая нравственная идея, положенная авторомъ въ основу обѣихъ комедій. Въ комедіи «Владимиръ 3-й степени» также, по первоначальному замыслу Гоголя, мнимодѣловой челоѣкъ, Иванъ Петровичъ, долженъ былъ кончить сумасшествіемъ, когда всплывшія наружу его нечистыя продѣлки убили въ немъ надежду на возжелѣнную награду, и онъ съ горя вообразилъ себя самого не доставшимся ему, несмотря на всѣ старанія, орденомъ. ³⁾ Въ развязкѣ всѣхъ этихъ комедій Гоголя въ самомъ дѣлѣ является «неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ и

¹⁾ См. разборъ «Горе отъ ума» (и «Ревизора») въ 3 томѣ сочиненій Бѣлинскаго, стр. 476 (изд. 1884 г.).

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 422 и 447.

³⁾ См. примѣч. Н. С. Тихонова, въ концѣ 2 тома X изд. сочиненій Гоголя.

озаряющее его повѣтъ свѣтомъ», но всего ярче это видно въ «Ревизорѣ» и «Игрокахъ».

III.

Еще въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» повѣствовательная форма нерѣдко сбивалась у Гоголя діалогомъ, и уже тогда Плетневъ замѣчалъ, что его въ этихъ «сказкахъ» всегда поражали драматическія мѣста¹⁾. По выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ», помыслы Гоголя преимущественно устремились на созданіе комедіи, но исполнителямъ иже суждено было не скоро; много времени прошло, пока богатыя и разнородныя, но еще отрывочныя, наблюденія стали слагаться у него въ опредѣленный драматическій рисунокъ. Какъ могъ приблизительно происходить предполагаемый нами процессъ работы у Гоголя, покажутъ слѣдующіе примѣры. Кромѣ матеріаловъ общихъ, въ записной книгѣ автора находимъ также и матеріалы частныя. Последніе иже вскорѣ были употреблены въ дѣло, но они, вѣроятно, не сразу заняли свои окончательныя мѣста въ разныхъ комедіяхъ, а скорѣе, подобно именамъ собственнымъ, переставлялись и исправлялись въ нѣсколько приемовъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ начатой въ 1833 г. комедіи «Владимиръ 3-й степени» мы находимъ отчасти лишь намѣченные разныя мысли, отчасти же просто внесенныя почти безъ перемѣны цѣлыя фразы. Таковы, напр., слова неизвѣстнаго лица въ одномъ изъ набросковъ: «Что вамъ сталъ виць-мундиръ? Почему суконцо?» — «Да, да! Ну, а расскажите. — Да, объ чемъ, бишь, вы говорили?»²⁾ Все это, какъ нетрудно догадаться, вошло цѣликомъ въ «Утро дѣлового человѣка» въ томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ Ивановичъ, передавая своему сослуживцу Ивану Петровичу вымышленный разговоръ съ его «высокопревосходительствомъ» и затрудняясь придумать продолженіе рискованнаго разсказа, неожиданно перебиваетъ себя вопросомъ о томъ, на чей счетъ расписаны потолки у Ивана Петровича, на свой или хозяйскій, тогда какъ онъ не могъ не знать, что квартира его пріятеля была казенная. Онъ до тѣхъ поръ пытается уклониться отъ продолженія прерваннаго разсказа, пока нетерпѣливый собесѣдникъ настойчивыми вопросами не возвращаетъ его къ оставленной темѣ. Совершенно такой же неумѣстный вопросъ, съ такой же явной натяжкой, въ «Коляскѣ» дѣлаетъ Чертокуцкій объ экипажѣ для верховой лошади. Отсюда, конечно, нельзя вывести заключенія, будто въ приведенномъ выше черновомъ наброскѣ Гоголь имѣлъ въ виду матеріалъ ииенно для указанной сцены, но совершенно наоборотъ: онъ скорѣе послѣ воспользовался уже готовымъ штри-

хомъ для исполненія уже созрѣвавшей въ его фантазіи новой картины¹⁾. Такія отрывочныя наблюденія нерѣдко входили, въ различной группировкѣ, какъ составная часть, въ произведенія, принадлежащія къ одному и тому же времени, и если они были мелочныя, то забывались со временемъ навсегда, въ противномъ случаѣ, вторялись иногда очень долго.

IV.

Въ 1833 году Гоголемъ была написана значительно передѣланная позднѣе пьеса «Женитьба», озаглавленная первоначально «Женки». Дата, указанная авторомъ, не подлежитъ сомнѣнію по сходству многихъ мѣстъ пьесы съ другими одновременными произведеніями и по своей безспорной принадлежности къ тѣмъ художественнымъ замысламъ поэта, которыя предшествовали произведеніямъ съ широкой общественной идеей. Въ планѣ и построеніи «Женитьбы» ясны слѣды схода съ наиболее ранними опытами Гоголя: такъ, положенный въ основу комедіи виѣшній пріемъ сильно напоминаетъ еще «Ночь передъ Рождествомъ», которая, въ свою очередь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Солоха принимаетъ гостей, имѣетъ поразительное сходство съ «Сорочинской Ярмаркой», представляя въ сущности лишь болѣе сложное развитіе интриги въ сравненіи со сценой, гдѣ Хивря, въ отсутствіе мужа, тайкомъ принимаетъ поповича, и объ эти сцены были, очевидно, подсказаны соотвѣтствующимъ комическимъ положеніемъ еще въ комедіи Гоголя-отца «Романъ и Параска». Наконецъ, «Женитьба» въ смыслѣ развитія интриги и яркой обрисовки дѣйствующихъ лицъ стоитъ еще ступенью выше, если послѣднее выраженіе не слишкомъ умаляетъ достоинство этого уже значительно болѣе зрѣлаго произведенія.

При выборѣ невѣсты Подколесинъ, типъ, принадлежащій нѣсколько болѣе интеллигентной средѣ, является передъ нами уже съ разносторонними, сравнительно, требованіями, касающимися происхожденія, приданнаго и наружности невѣсты. Навивные ухаживатели малороссійскаго захолустья въ этомъ отношеніи не могутъ идти въ сравненіе съ представителемъ хотя бы мелкаго петербургскаго чиновничества. Впрочемъ, Подколесинъ отличается въ данномъ случаѣ также и отъ каждаго изъ своихъ соперниковъ, въ лицѣ которыхъ авторъ специально отдѣляетъ нѣкоторые отдѣльныя, наибо-

¹⁾ Подобные примѣры часто находимъ у Гоголя; такъ, въ черновой редакціи «Мертвыхъ Душъ» читаемъ: «время, неутомимый живописецъ, расписываетъ весь родъ человѣчскій и что ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица» и проч., — выраженіе, взятое изъ прежнихъ сочиненій и затѣмъ уже замѣненное въ окончательной редакціи. (См. «Русск. Стар.», 1885, XII, 670 и соч. Гоголя, изд. X, т. I. стр. 10, т. V, стр. 52).

¹⁾ Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.

²⁾ Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 734.

лѣе часто встрѣчающіеся, мотивы и побужденія, какими обыкновенно руководятся люди известной среды при вступленіи въ бракъ. Такъ, Яичница олицетворяетъ собой голый расчетъ и безстыдную погоню за деньгами, желая получить уже въ приданое къ нимъ невѣсту, хотя-бы и завѣдомо глупую; морякъ Жераковичъ, совершенно отдаваясь грубымъ животнымъ инстинктамъ, готовъ видѣть въ каждой ксѣ олицетвореніе красоты или такъ-называемый имъ «розанчикъ», предпочитая, однако-же, тѣхъ, которыя «въ тѣлѣ»; наконецъ, Анучкинъ, пропитанный весь хлестаковскимъ стремленіемъ по возможности тянуться за свѣтомъ, требуетъ, если не утонченныхъ манеръ, то знанія непонятнаго и ненужнаго ему французскаго языка. Объединеніе въ известной, менѣе рѣзкой степени всѣхъ указанныхъ чертъ въ Подколесинѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что въ его личности авторъ видѣлъ въ виду сосредоточить комизмъ на его забавной, доходящей до крайностей, нерѣшительности въ такомъ, правда, роковомъ вопросѣ, какъ бракъ, въ чемъ, къ слову сказать, онъ сходится также и съ своей невѣстой, но только отчасти. Въ недраматическихъ произведеніяхъ Гоголя мы снова встрѣчаемъ у разныхъ его героев то проявленіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ требованій при выборѣ невѣсты во вкусѣ указанныхъ выше; такъ, подобно поручику Пирогову, и майоръ Ковалевъ «былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстой случится двѣсти тысячъ капитала»¹⁾, или соединеніе тѣхъ притязаній, которыя распределены поровну между дѣйствующими лицами «Женитьбы». Такъ, напр., Чичикову при мысли о будущей женѣ тотчасъ-же «представлялась молодая, свѣжая, бѣлолицая бабевка, изъ купческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку»²⁾.

Женскія лица вообще немногочисленны въ произведеніяхъ Гоголя; небогаты ими и его драматическія произведенія. За исключеніемъ прекрасныхъ, но сильно идеализированныхъ типовъ молодыхъ казачекъ въ «Вечерахъ на Хуторѣ» и панночки въ «Миргородѣ», онѣ всегда представляютъ у Гоголя только равныя вариации однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ авторомъ типовъ пустой свѣтской дамы съ молоденькой и пустышкой дочерью. Такъ эти личности повторяются съ наивнѣшими въ «Ревизорѣ», «Портретѣ» и проч., даже мимоходомъ въ повѣсти «Носъ», гдѣ майоръ Ковалевъ, рассматривая товары на гостинномъ дворѣ, неожиданно замѣтилъ «подошедшую пожилую даму, всю убранную кружевами, и съ нею товеньку, въ бѣ-

ломъ платѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной талии, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пѣрожное»¹⁾. Но эти типы принадлежатъ столичной или уѣздной quasi-аристократіи; въ «Женитьбѣ» же, гдѣ изображены низшіе слои петербургскаго общества, потребовались иные типы: Феклы, Арины Пантелеймоновны, Агаѣи Тихоновны, причѣмъ послѣдняя, съ ея безъотчетнымъ, но сильнымъ стремленіемъ выйти не иначе, какъ за «благороднаго», является прямой предшественницей Липочки Большой, подобно тому какъ Фекла — не повторяющимся болѣе у Гоголя типомъ свахи вродѣ Устиньи Наумовны, а Замухрышкинъ въ «Игрокахъ» — единственнымъ въ его произведеніяхъ типомъ подъячаго. Впрочемъ, въ роли свата выступаетъ Кочкаревъ, своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій соответствуя мужеподобной Василіѣ Кашпаровнѣ (въ повѣсти «Иванъ Федоровичъ Шпонька»), которой, судя по словамъ одного письма Гоголя къ Данилевскому, предстояло въ неоконченной повѣсти повѣнчать примѣрнаго племянника съ благонаправленной дѣвицей Марьей Гавриловной²⁾. Возвращаясь къ Агафѣи Тихоновнѣ, прибавимъ еще, что типъ ея, вѣроятно, былъ приблизительно намѣченъ одновременно съ «Невскимъ Проспектомъ», судя по слѣдующимъ словамъ: «Молодые люди, (подобные поручику Пирогову) — достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепiano, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и съ кучею брадатой родни. Однако-жь, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ еще сильно отъявляется капуста, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ, или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ»³⁾. Но подробнѣе обрисовать эту среду выпало на долю уже много великаго писателя.

Такимъ образомъ изъ указаннаго, надѣемся, достаточно наглядно представляется связь «Женитьбы» съ другими произведеніями Гоголя, создававшимися въ промежутокъ отъ 1830 до 1834 года включительно. Но, кромѣ того, еще однимъ критикомъ въ шестидесятыхъ годахъ было отмѣчено, что «въ простомъ очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина», а въ некоторыя своия чертами тотъ же Подколесинъ представляетъ несомнѣнное сход-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 10.

²⁾ Т. V, стр. 44, «Соч. и письма Гоголя».

³⁾ Т. V, стр. 276. О стремленіи купцовъ тянуться за высшими сословіями есть замѣчаніе также въ «Игрокахъ»: «Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына? — или чтобы онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу» (т. II, стр. 443).

¹⁾ См. Соч. Гоголя, 3-е изд. наследниковъ, т. III, стр. 301 и съ небольшими перемѣнами изд. X, т. III, стр. 307.

²⁾ Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 7—8.

ство даже съ поручикомъ Пироговымъ и майоромъ Ковалевымъ. Отличаясь отъ послѣднихъ въ основѣ своего характера, онъ поразительно сходится съ ними въ томъ забавномъ благоговѣніи, которое каждый изъ нихъ питаетъ къ своему въ сущности даже невысокому чину. Такъ, Подколесинъ носитъ съ своимъ чиномъ надворнаго совѣтника. «Да вѣдь я потому тебя спрашиваю—говоритъ онъ свахѣ—что я—надворный совѣтникъ» и самодовольно разсуждаетъ самъ съ собой: «Я того мнѣнія, что черные фракы какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярной и прочей мелюзгѣ—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны наблюдать, какъ говорится этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ!»¹⁾ Онъ имѣетъ претензію и на репутацію въ «хорошемъ обществѣ»: «Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однако-же, если душно спиты, да рыжая вакса, ужь въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія». Не меньше озабоченъ тѣмъ, чтобы не уронить своего достоинства и чина, и майоръ Ковалевъ, который наказываетъ продавщицамъ: «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: «здѣсь живетъ «майоръ» Ковалевъ». О Ковалевѣ авторъ замѣчаетъ, что онъ «чрезвычайно обидчивый человекъ. Онъ могъ прѣстить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію».²⁾ Поручикъ Пироговъ, съ своей стороны, также никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не сдѣлать замѣчанія невѣжливо встрѣчному, что «передъ нимъ поручикъ, а не другой какой офицеръ»³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что указанная черта была дана Гоголю наблюденіями надъ русской жизнью вообще и была чрезвычайно распространена у насъ въ началѣ текущаго столѣтія, но всего больше она бросалась въ глаза нашему писателю во время его петербургской жизни и особенно подъ впечатлѣніями департаментской службы. Когда впоследствии, вернувшись въ первый разъ изъ-за границы, Гоголь, какъ говорятъ, на вопросъ о первомъ поразившемъ его на родинѣ впечатлѣніи, отвѣтилъ, что прежде всего онъ услышалъ пословицу: «чинъ чина почтай»,—то эта шутка имѣла основаніемъ, конечно, давнія впечатлѣнія. Соотвѣствующія проявленія ограниченнаго самодовольства подиѣчались имъ, впрочемъ, въ самыхъ различныхъ сферахъ, напр., даже въ портномъ Петровичѣ въ «Шинели», который, заломивъ высокую цѣну, «былъ доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ». Вспомнивъ также слѣдующія строки въ первой части «Мертвыхъ душъ»:

«Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и видѣть съ тѣмъ чувствуя, что держать Поздрева было бесполезно, выпустилъ его руки»¹⁾. Но здѣсь въ Чичиковѣ говоритъ уже чувство самолюбія помѣщикаго и дворянскаго. Это мѣсто, въ свою очередь, напоминаетъ слова Подколесина Кочкареву: «Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоишь крѣпостной человекъ, а онъ при немъ бранится»²⁾ и то мѣсто въ «Запискахъ сумасшедшаго», гдѣ Поприщинъ, гордясь тѣмъ, что онъ—дворянинъ, разсуждаетъ самъ съ собой, что «если какой-нибудь простой мѣщанинъ или даже крестьянинъ—и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его. Когда изъ мужика иногда выходитъ этакое, то что же можетъ выйти изъ дворянина»³⁾. Возвращаясь теперь къ малороссійскимъ повѣстямъ Гоголя, мы не можемъ не отмѣтить, что въ послѣднихъ гораздо чаще встрѣчается изображеніе наивнаго страха или благоговѣнія передъ головой или комиссаромъ, нежели самодовольное упоеніе собственнымъ положеніемъ. Прихѣръ послѣдняго можетъ, однако, и тамъ быть указанъ въ личности головы въ повѣсти «Майская Ночь», но тутъ была особая, исключительная причина: «о чемъ бы ни говорили съ нимъ, голова всегда умѣетъ поворотить на то, какъ онъ везъ царицу и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ»⁴⁾. Въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ, написанныхъ Гоголемъ за границей, т.-е. въ «Мертвыхъ Душахъ», «Театральномъ Развѣздѣ» и проч., чиновочитаніе и довольство ограниченности, если изображается Гоголемъ, то гораздо рѣже, въ иной формѣ и съ иной точки зрѣнія. Такимъ образомъ частые случаи изображенія чиновочитанія именно въ петербургскій періодъ находятъ себѣ естественное объясненіе въ нравахъ современнаго ему общества, тогда какъ позднѣе не подновляемая въ указанномъ направленіи во время его жизни за границей впечатлѣнія потускнѣли и стали понемногу забываться. Заключая рѣчь объ изображеніи чиновочитанія въ «Женитьбѣ» и другихъ одновременныхъ произведеніяхъ, мы должны оговориться, что, будучи строгимъ консерваторомъ и гнушаясь даже названіемъ либерала, Гоголь, при изображеніи указанной черты, отнюдь не руководился какими-либо посторонними чистому искусству соображеніями; но это тѣмъ болѣе показываетъ, сколько матеріала для сатиры невольно накоплялось у безпристрастнаго наблюдателя современныхъ ему бюрократическихъ сферъ, и насколько этотъ-то обильный матеріалъ самъ собой просился подъ перо худож-

¹⁾ Т. II, стр. 356.

²⁾ Тамъ же, стр. 17.

³⁾ Т. V, стр. 277.

¹⁾ Т. III, стр. 83.

²⁾ Т. II, стр. 365.

³⁾ Т. V, стр. 357.

⁴⁾ Т. I, стр. 60.

ника, приведеннаго глубоко запавшими въ его душу живыми, яркими образами къ произведеніямъ уже съ серьезной общественной идеей. Но прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ, позволимъ себѣ указать еще нѣкоторыя, не вѣдѣ важныя, параллели между отдѣльными лицами „Женитьбы“ и другихъ одновременныхъ произведеній Гоголя.

Мы указывали выше сходство между Кочкаревымъ и Василисой Кашпаровной въ повѣсти „Иванъ Федоровичъ Шпонька“ относительно роли ихъ въ сватовствѣ Шпоньки и Подколесина. Съ другой стороны, своей беззащитной и размашистой натурой Кочкаревъ представляетъ замѣченное еще Бѣлинскимъ сходство съ Ноздревымъ: онъ „добрый и пустой малый, нахалъ и разбитная голова“¹⁾. Но тотъ же Кочкаревъ своей смѣлой ложью и отчаянно-самоувѣренной импровизаціей приближается къ Собакину и Хлестакову. Всѣ трое во вкусѣ Загорѣцкаго, слишкомъ легко выходятъ изъ затрудненія, когда имъ приходится показывать видъ, что имъ все извѣстно. Приведемъ прикѣры.

Кочкаревъ. Агаея Тихоновна Брандахлыстова?

Оепа. Анъ нѣтъ — Купердагина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что-ли живеть?

Оепа. Ужь вотъ нѣтъ; будетъ поближе въ Пескамъ.

Или:

Кочкаревъ. (Агаея Тихоновна) Однако-жь, припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаея Тихоновна. Право не знаю. Ужь развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно, у Бирюшкиныхъ.

Агаея Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ-же, вышла замужъ.

Агаея Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Кочкаревъ. Да кто-то, я помню, что-то было: „или вышла замужъ, или переломила ногу“²⁾.

Ср. въ „Отрывкѣ“:

Марья Александровна. Скажите, вы вѣрно знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ?

Собакинъ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ, а впрочемъ, могу справиться³⁾.

Такъ какъ всѣ упомянутыя лица являются въ повѣстяхъ, написанныхъ въ промежутокъ отъ 1833 по 1835 г. („Носъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“), а въ по-

слѣднемъ начаты и первыя главы „Мертвыхъ душъ“, то связь ихъ съ „Женитьбой“ несомнѣнна. Сходство же Кочкарева съ Ноздревымъ особенно ярко подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ въ первой части „Мертвыхъ душъ“: „Ноздревъ былъ рѣшительный человекъ, для котораго затрудненій не существовало вовсе. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не замкнувшись; объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ“¹⁾ и проч. Такимъ образомъ, „Женитьба“ нѣкоторыми отдаленными звеньями имѣетъ отношеніе даже къ этому величайшему произведенію Гоголя.

Еще одно замѣчаніе: „Женитьба“, вѣроятно, почти исключительно поглотила вниманіе Гоголя въ 1833 г., потому что въ это время его литературные труды подвигались вяло, такъ же какъ и въ слѣдующіе года, когда онъ былъ въ значительной степени отвлеченъ учительскими и профессорскими трудами, литературнымъ результатомъ которыхъ явились потомъ „Арабески“, и въ то же время онъ не переставалъ упорно работать надъ повѣстями, составлявшими продолженіе „Вечеровъ“ и получившими названіе „Миргорода“. Такимъ образомъ, благодаря усиленной дѣятельности въ иномъ направленіи, Гоголь не имѣлъ возможности сосредоточиться на драмѣ и откладывалъ давно задуманные сюжеты, ограничиваясь пока черновыми набросками. Такъ оставалась неоконченной начатая въ первыхъ мѣсяцахъ 1833 г. комедія „Владимиръ 3-й степени“.

V.

Первымъ произведеніемъ въ ряду тѣхъ, въ которыхъ Гоголь задается серьезной общественной идеей, является уже комедія „Владимиръ 3-й степени“. Въ этой пьесѣ поэтъ намѣревался изобразить одно должностное лицо не въ томъ ложномъ, выгодномъ для него, свѣтѣ, въ какомъ оно старалось выставить себя на показъ передъ начальствомъ и подчиненными, но съ его настоящей, закулисной стороны, со всѣми его недостатками и въ значительной мѣрѣ пошлостью. Работая надъ этой комедіей, Гоголь не безъ основанія опасался затрудненій со стороны цензуры: хотя уцѣлѣвшія отъ нея отдѣльные отрывки представляются сравнительно очень невинными, но въ цѣломъ комедія должна была явиться рѣзкимъ и, быть можетъ, безприкѣрнымъ въ то время обличеніемъ недостатковъ среднихъ официальныхъ сферъ, подобно тому, какъ вскорѣ болѣе скромныя служебныя сферы были изображены въ „Ревизорѣ“. Никто, кромѣ, и то лишь *отчасти*, друзей Гоголя, не

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 445.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 377; ср. также на стр. 361.

³⁾ Тамъ же, стр. 476.

¹⁾ Т. III, стр. 208. — Впрочемъ, одна черта Кочкарева повторена и въ Чичиковѣ, въ слѣдующихъ его словахъ: „Что глядѣть на то, что человекъ плюется“. (Ср. т. II, стр. 389, и III т., стр. 309).

подозрѣвалъ истиннаго значенія комедіи, такъ какъ въ отрывкахъ утрачивалась соль произведенія; даже Вѣлинскій смотрѣлъ на нихъ только какъ на нѣчто весьма талантливое, но неважное по содержанію, какъ это ясно изъ слѣдующихъ его словъ: „эти сцены нельзя назвать комедіями по ихъ объему; онѣ относятся къ комедіи, какъ повѣсть относится къ роману. Всѣ эти сцены носятъ на себѣ рѣзкую печать таланта автора „Ревизора“ и, подобно ему, до сихъ поръ остаются въ нашей литературѣ удивительными памятниками среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни деревца, ни былинки“¹⁾. Такимъ образомъ даже Вѣлинскій, рассматривая эти отрывки *исключительно съ эстетической точки зрѣнія*, не могъ и подозрѣвать *общественнаго значенія* разорванной по клочкамъ пьесы, хотя въ то время, когда писалъ этотъ отзывъ, онъ былъ уже склоненъ особенно цѣнить послѣднее. Въ отрывкахъ же была извѣстна эта комедія и друзьямъ Гоголя. Погодинъ записалъ однажды въ дневникъ: „Гоголь читалъ мнѣ *отрывки* изъ двухъ своихъ комедій: одну подъ заглавіемъ „Комедія“, другая — „Провинціальный женихъ“. Изъ дальнѣйшихъ словъ: „Какіе чиновники на сценѣ, *какіе канцелярскіе служители!*“²⁾ можно предположить, что предыдущія строки относятся скорѣе къ комедіи „Владиміръ 3-й степени“. Послѣ этого неудивительно, что мнѣ звавшій его пока Аксаковъ только въ комедіи „Ревизоръ“ видѣлъ проявленіе его таланта „въ новомъ и глубокомъ значеніи“. Между тѣмъ, если сопоставить всѣ четыре сохранившіеся отрывка комедіи между собой и съ другими произведеніями Гоголя, то даже изъ этихъ фрагментовъ, особенно послѣ обстоятельныхъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, выясняется, что въ „Владиміръ 3-й степени“ на ряду съ пошлой чиновнической страстишкой распекавъ низшихъ, единственно ради показанія своей силы и власти, представлены непроходимая пустота и бездѣлье иныхъ должностныхъ лицъ, занимающихъ даже замѣтные мѣста и прикрывающихъ свое полное ничтожество личной будтобы неусыпнаго усердія къ дѣлу, проявляемаго, впрочемъ, исключительно въ пустомъ соблюденіи формъ или такихъ мелочей, какъ недопущеніе въ переносѣ титула *сіятельство* и проч.³⁾

«Утро дѣловаго человѣка», прямо вводящее читателя въ сферу изображаемаго дѣйствія, должно было, безъ сомнѣнія, служить началомъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени»: у Гоголя всегда находимъ завязку въ первыхъ же строкахъ комедіи, а такая завязка, какъ та, какую видимъ въ этой пьесѣ, должна была сразу же выставить передъ зрителями на показъ

возмутительное противорѣчіе между служебной недобросовѣстностью и совершеннымъ отсутствіемъ сознанія долга въ Иванѣ Петровичѣ съ одной стороны, и его обширными притязаніями на незаслуженныя награды съ другой. Завязка заключается собственно въ словахъ Ивана Петровича: «Господи Боже мой, ну что, если бы его превосходительство сказала: «такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю»¹⁾ и проч. Далѣе необходимо обратить вниманіе на слова Ивана Петровича: «Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бы получить хоть орденочекъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства». Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить явнаго сходства съ подобными же разсужденіями городничаго въ «Ревизорѣ»: «Господи, Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно. Наградить-ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ»²⁾ и въ другомъ мѣстѣ: «почъ не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстна еще когда будетъ».³⁾ Какъ городничій, вмѣсто справедливаго наказанія, желалъ и надѣялся получить награду за мнимые неусыпные труды, заговаривая о ней даже въ минуту сильнѣйшаго страха взысканій за свои «грѣшки», такъ и Иванъ Петровичъ въ «Утрѣ дѣловаго человѣка», несмотря на то, что, не интересуясь службой, онъ безпрестанно развлекался картами и даже по цѣлымъ часамъ безъ свидѣтелей забавлялся у себя дома съ какой-нибудь комнатной собачкой, считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на полученіе Владиміра 3-ей степени—за то собственно, что будто бы «потошъ и кровью» достигъ въ канцеляріи такого порядка, что стоитъ взять въ руки бумагу и «душа радуется, духъ торжествуетъ»⁴⁾. Такимъ образомъ, избравъ завязкой чиновничье честолюбіе Ивана Петровича, Гоголь, очевидно, еще въ самомъ началѣ своихъ работъ надъ комедіей, держался уже взгляда, высказаннаго имъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ», что «болѣе имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь»⁵⁾. Далѣе собесѣдникъ Ивана Петровича въ первой сценѣ, другой мнимо-дѣловой человѣкъ, Александръ Ивановичъ, въ своемъ разговорѣ съ нимъ, играетъ роль, соответствующую въ «Ревизорѣ» ролямъ Добчинскаго и Бобчинскаго—въ томъ, впрочемъ, единственною отношеніи, что, сплетничая и

1) Тамъ же, стр. 452.

2) Тамъ же, стр. 453 и 236.

3) Тамъ же, стр. 227.

4) Стр. 453.

5) Стр. 487.

1) Соч. Вѣлинскаго, т. XII, стр. 273.

2) „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 267.

3) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 451, 452 и 454.

передавая невѣрные слухи, онъ невольно способствуетъ вступленію главнаго лица на ложный путь помысловъ и дѣяній.

Въ отношеніи къ подчиненнымъ Иванъ Петровичъ является любителемъ начальническихъ выговоровъ и распеканій. Такъ, во второмъ явленіи «Утра дѣловаго человѣка» незаслуженному выговору подвергается молодой и образованный чиновникъ Шрейдеръ. Здѣсь мы находимъ наглядный образецъ распеканій избранныхъ отчасти также въ «Шинели» при объясненіи Акакія Акакіевича съ однимъ «значительнымъ лицомъ»: «Эту же слабость въ некоторыхъ начальствующихъ лицъ Гоголь представляетъ «вполнѣ опредѣлившемуся возможностью»¹⁾ даже въ Хлестаковѣ, когда послѣдній уже видитъ себя въ своемъ разгоряченномъ воображеніи чиновнымъ Юпитеромъ, расправляющимся съ воображаемыми подчиненными.²⁾ Точно также, наконецъ, «честолюбивое стремленіе Тентетникова осадилъ съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные савонники»³⁾).

Познакомивъ читателей съ пустотой и пошлостью Ивана Петровича, Гоголь не забываетъ обрисовать мимоходомъ и жалкій уровень его познаній и развитія, когда первый такъ забавно смѣшиваетъ значеніе мало понятныхъ ему иностранныхъ словъ. Та же черта была потомъ повторена въ «Ревизорѣ», но лишь въ его первоначальномъ наброскѣ, тогда какъ въ исправленномъ текстѣ эти мѣста пропущены. Приводимъ ихъ по тексту комедіи въ изданіи проф. Тихонравова: «Вы все говорите нарочно такое» (обращается къ Хлестакову въ 3-емъ дѣйствіи Марья Антоновна), котораго я не понимаю. Я думаю, вы въ Петербургѣ тамъ часто бываете въ театрѣ. Я думаю, тамъ какъ хорошо играютъ комедіи!» Хлестаковъ. Комедіи? А что такое комедіи? Марья Антоновна. Вотъ ужъ будто вы не знаете? Хлестаковъ. Право, не знаю. Марья Антоновна. О, какъ будто я не знаю, что вы нарочно такъ говорите. Хлестаковъ. Право, я не знаю знать (sic), что такое комедія. Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ»⁴⁾. Далѣе оказывается, что Хлестаковъ уже смѣшиваетъ слово комедія съ словомъ артиллерія. Другое подобное мѣсто находится въ пропущенной сценѣ разговора между

Хлестаковымъ и докторомъ Гибнеромъ: прося у Христіана Ивановича денегъ взаймы, Хлестаковъ говоритъ ему: «вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю»¹⁾).

Кончается «Утро дѣловаго человѣка» негодованіемъ Александра Ивановича на незаслуженныя притязанія Ивана Петровича (хотя объ обоихъ можно смѣло сказать, что они стоятъ другъ друга): «Какая противная физиономія! И развѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь!»²⁾. Отсюда можно догадываться, что Александръ Ивановичъ былъ главнымъ виновникомъ неудачи и происшедшаго отъ нея помѣшательства Ивана Петровича. Нельзя не замѣтить, что какъ притворная преданность Александра Ивановича Ивану Петровичу, такъ и его негодованіе изъ-за угла сильно напоминаетъ такую же фальшивую радость и скрытую зависть чиновниковъ къ городничему въ той сценѣ «Ревизора», въ которой гости поздравляютъ послѣдняго съ неожиданнымъ счастьемъ.

Вотъ всѣ главныя черты, которыя могутъ быть разъяснены въ «Утрѣ дѣловаго человѣка» по сопоставленію съ другими произведеніями Гоголя, если прибавить къ сказанному, что такое-же чиновничье честолюбіе было изображено также въ «Запискахъ сумасшедшаго» въ лицѣ отца Софи, который, по наблюденіямъ собачки Меджи, «говоритъ очень рѣдко; но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собой: «Получу или не получу?» Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: «Получу или не получу?»»³⁾.

Второй сохранившійся отрывокъ изъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени», впоследствии озаглавленны авторомъ «Тажба», въ общемъ ходѣ комедіи долженъ былъ, очевидно, служить необходимымъ звеномъ для того, чтобы дать возможность Александру Ивановичу (иначе Пролетову, какъ онъ чаще называется въ «Тажбѣ») составить планъ дѣяній, направленныхъ ко вреду для Ивана Петровича⁴⁾. Въ настоящемъ своемъ видѣ, правда, отрывокъ этотъ не вполне, повидимому, подтверждаетъ сказанное: въ немъ Пролетовъ собирается дѣйствовать про-

¹⁾ Тамъ же, стр. 201.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 454.

³⁾ Т. V, стр. 354.

⁴⁾ Въ «Тажбѣ» онъ названъ Павломъ Петровичемъ; см. примѣч. г. Тихонравова. Любопытно, что въ словахъ Ивана Петровича въ «Утрѣ дѣловаго человѣка»: «Я васъ буду просить, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть» и пр. есть сходство съ письмами самого Гоголя. («Соч. и письма Гог.», т. V, стр. 206 или «Русскій Архивъ», 1880, 2, 513).

¹⁾ Выраженіе Бѣлинскаго, сказанное о городничемъ. (Соч. т. III, стр. 394).

²⁾ «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, «Предвѣдомленіе», LV.

³⁾ Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 287.

⁴⁾ «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, «Очеркъ исторіи текста комедіи „Ревизоръ“, XXI.

тивъ Бурдюкова (или Барсукова комедіи «Утро дѣловаго человѣка»; см. примѣчанія Н. С. Тихонравова), именно разсерженный тѣмъ, что послѣднему уже *удалось* получить награду, но, какъ ясно изъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, первыя двѣ сцены были прибавлены авторомъ впоследствии, когда потребовалось выдѣлить остальное въ особый драматическій отрывокъ, тогда какъ сперва онъ начинался собственно словами, слѣдующими за фразой третьяго явленія: «нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ», сказанными Бурдюковымъ Пролетову. Но и изъ этихъ двухъ присочиненныхъ впоследствии сценъ для разъясненія первоначальнаго значенія комедіи могутъ пригодиться слова: «Какое Бурдюковъ? а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая». Это размышленіе Пролетова совершенно тождественно по смыслу съ тѣмъ, которымъ заканчивается «Утро дѣловаго человѣка». Итакъ, ясно, что интрига держалась на томъ, что одинъ чиновникъ-карьеристъ старался подставить ногу другому, пользуясь, можетъ быть, впрочемъ, въ числѣ другихъ способовъ, компрометирующимъ его соперника скандальнымъ дѣломъ, которое раскрыла тѣжба. На послѣднее указываетъ, повидимому, еще одинъ фрагментъ, приведенный въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, въ которомъ нѣкто Закатищевъ говоритъ: «Жаль, если бы я не заговорился съ этимъ степнякомъ, я бы его засталъ. Однако-жь, я даромъ ему не скажу объ этомъ сюрпризѣ, который готовить ему родной братецъ»¹⁾. Г. Тихонравовъ совершенно справедливо считаетъ Закатищева прототипомъ будущаго Собачкина, между прочимъ, на основаніи послѣднихъ сказанныхъ имъ въ діалогѣ словъ, обращенныхъ къ горничной Аннушкѣ: «Лжешь, плутовка: влюблена въ меня! Признайся, по уши влюблена? А, покраснѣла!»²⁾. Но съ одной стороны, нѣкоторые типы у Гоголя обособлялись и дифференцировались при дальнѣйшей обработкѣ, причемъ весьма часто получали въ каждой позднѣйшей редакціи новыя имена и фамиліи, и, слѣдовательно, Закатищевъ, несмотря на сходство съ Собачкинымъ, могъ до известной степени соотвѣтствовать Александру Ивановичу. Съ другой стороны, желаніе Закатищева добиться отъ Оми Омиича (личность однородная или даже тождественная съ Иваномъ Петровичемъ Барсуковымъ или Павломъ Петровичемъ Бурдюковымъ), представленія къ награждѣнію вяжется съ независимымъ, повидимому, отъ него положеніемъ Александра Ивановича. Любопытно, что одна

черта Собачкина была первоначально придана прямо Подколесину и уже потомъ перенесена на перваго. (Ср. въ первоначальной редакціи «Женитьбы»: «А, вѣдь, рожица-то смазливая, ей Богу смазливая! Чортъ возьми, никакъ не заведу, чтобы бакенбарды съѣлаи немного пониже со щеки, какъ теперь носятъ»¹⁾) и въ «Отрывкѣ»: «Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ-ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бакрошкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все голышъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?»²⁾) Такимъ образомъ, хотя указанное г. Тихонравовымъ сходство Закатищева съ Собачкинымъ не подлежитъ сомнѣнію, но вполнѣ разъяснить его по сохранившимся фрагментамъ едва-ли возможно. Укажемъ кстатіи другую, впрочемъ, незначительную черту сходства между ними, не отмѣченную г. Тихонравовымъ: оба они съ наслажденіемъ мечтаютъ о щегольской коляскѣ: Закатищевъ: «Эхъ, куплю славныхъ рысаковъ! *Только и рпчей будетъ по городу, что про лошадедку Закатищева. Хотѣлось бы и колясочку, только ужъ зеленую: желтаго цвѣта никакъ не хочу*»; Собачкинъ: «А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Юхима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, задамъ тогда эффекту! *Можетъ быть, на всемъ гуляньѣ всею и будетъ одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ всѣ заговорятъ*»...

Третья пьеса «Лакейская», судя по только-что приведенному намеку въ ея первоначальной редакціи на предшествующее содержаніе пьесы, должна была бы слѣдовать за «Тяжбой». Сдѣланное академикомъ Н. С. Тихонравовымъ сличеніе первоначальной и окончательной редакцій этого отрывка показываетъ, что все начало пьесы было совершенно переделано Гоголемъ въ то время, когда онъ готовлялъ къ печати эти «драматическіе кусочки»; для него Гоголь, очевидно, воспользовался также началомъ «Утра дѣловаго человѣка», въ которомъ тоже представлена лѣнь и небрежность слугъ, но онъ развиваетъ здѣсь нѣсколько начальныхъ строкъ названнаго отрывка въ цѣлыя сцены. Такимъ образомъ, въ качествѣ позднѣйшихъ, эти сцены не могутъ имѣть никакого значенія для знакомства съ первоначальной редакціей комедіи «Владиміръ З-ей степени» и, напротивъ, онѣ даже отвлекаютъ вниманіе читателей отъ главной цѣли автора, которую онъ нашелъ нужнымъ потомъ тщательно замаскировать вслѣдствіе цен-

¹⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.

²⁾ Тамъ-же, стр. 741.

¹⁾ „Русская Старина“, 1879, II, 329.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 481.

зурныхъ соображеній. Напротивъ, выдѣляя первоначальный набросокъ, легко можно убѣдиться, что въ комедіи предполагалась слѣдующая послѣдовательность. Интрига начинается завистью, возбужденной, какъ мы узнаемъ изъ «Утра дѣловаго человѣка», Иваномъ Петровичемъ въ его собесѣдникѣ Александрѣ Ивановичѣ; потомъ эти, сначала безсильныя, злоба и зависть находятъ себѣ богатую пищу въ неожиданно представившемся случаѣ раскрыть мошенничество Ивана Петровича. Здѣсь начинается драматическое дѣйствіе, интрига. Далѣе Закатищевъ является къ своему начальнику съ извѣстіемъ о «сюрпризѣ» и уже составляетъ планъ требовать себѣ награды¹⁾, но не застаётъ его дома, потому что тотъ уѣхалъ къ своей сестрѣ Марьѣ Петровнѣ (вполнѣ слѣдствіи — Марьѣ Александровнѣ), героинѣ четвертаго отрывка, оставшагося безъ особаго названія, но первоначально озаглавленнаго: «Семейныя сцены»²⁾. Между прочимъ, въ сценѣ «Лакейская» авторъ пользуется случаемъ для того, чтобы познакомить зрителей съ другими неприглядными сторонами жизни и обстановки такихъ въ извѣстной средѣ вліятельныхъ чиновниковъ, какъ Иванъ Петровичъ или Оома Оомичъ. — Какъ Некрасовъ въ «Размышленіяхъ у параднаго подъѣзда», такъ и Гоголь въ «Лакейской» заданъ несомнѣнной цѣлью раскрыть нѣкоторыя, такъ сказать, труппныя тайны недостойныхъ представителей официального міра и, кромѣ того, обрисовать всю закулисную подноготную ихъ служебныхъ отношеній. Зритель воочію убѣждается, что лакейская пользуется его извѣстнымъ всѣмъ чиновника имѣетъ иногда въ своемъ родѣ не менѣе важное значеніе, нежели его приемный кабинетъ. Здѣсь изображены съ одной стороны зазнавшіеся слуги, готовые чуть не въ глаза бранить «сволочью» унижающихся до панибратскихъ отношеній съ ними чиновниковъ, и устраивающіе въ складчину балы, въ которыхъ послѣдніе принимаютъ участіе довольно охотно и даже, можетъ быть, не безъ нѣкоторой гордости; съ другой стороны толпу чиновниковъ, входящихъ въ лакейскую своего начальника съ затаеннымъ страхомъ и оставляющихъ ее съ надеждой, или, какъ Петрушевичъ, — въ отчаяніи, (см. первоначальную редакцію въ примѣчаніяхъ г. Тихонравова). Все это показываетъ, какой обширный замыселъ созрѣвалъ въ головѣ автора, хорошо помнявшаго, однако, что осуществитъ его совершенно было невозможно по цензурнымъ условіямъ. Послѣ этого становятся вполнѣ понятны слова его Погодину. «Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ

въ Москвѣ (въ 1832 г.), въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моею; но до сихъ поръ я ничего не написалъ (т. е. до 20 февраля 1833 г.). Ужь и сюжетъ, было, на-дняхъ началъ составляться, ужъ и заглавіе написано на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ»¹⁾.

Намъ остается разсмотрѣть «Отрывокъ». По нашему предположенію, онъ долженъ былъ занимать мѣсто въ промежуткѣ между «Утромъ дѣловаго человѣка» и другими слѣдующими за нимъ сценами. Мнѣніе это мы основываемъ на томъ мѣстѣ сохранившагося первоначальнаго наброска, по которому непосредственно передъ третьей сценой второго акта (по предположенію Н. С. Тихонравова), соответствующей позднѣйшему отрывку «Тяжба», стоятъ слѣдующія слова: Марья Александровна въ разговорѣ съ каретникомъ, распоряжаясь, чтобы карета съ фамильными гербами Павлицева и княжны Шлепохвостовой была отдѣлана какъ можно лучше, — въ концѣ этого діалога восклицаетъ: «Ухъ, до сихъ поръ не могу успокоиться!»²⁾. Это, очевидно, относится все еще къ тому волненію, въ которое она пришла, когда услышала признаніе своего тридцатилѣтняго Миши (въ первоначальной редакціи Павлицева) о его любви къ дочери незначительнаго чиновника Одосимова, человѣка совсѣмъ не аристократическаго происхожденія, тогда какъ она желала, чтобы сынъ ея былъ женатъ на княжнѣ Шлепохвостовой. Судя по отрывку, приведенному въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, безхарактерный и комически послушный Миша не только соглашается на перемѣну службы, какъ это видимъ уже въ пьесѣ, но въ концѣ концовъ также женится на княжнѣ Шлепохвостовой, что, наконецъ, и успокоиваетъ сильно разстроенную Марью Александровну. Здѣсь настойчивость Марьи Александровны и безпредѣльная покорность Миши представляютъ новую варіацію въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, сравнительно съ отношеніями Ивана Фед. Шпоныки и его тетюшки. Въ такомъ случаѣ порядокъ сохранившихся сценъ долженъ быть слѣдующій: сперва «Утромъ дѣловаго человѣка», далѣе «Отрывокъ» (или «Семейная сцена» — по прежнему названію), затѣмъ «Тяжба» и, наконецъ, «Лакейская». Первые двѣ пьесы составляли, вѣроятно, первое, а послѣднія — второе дѣйствіе уничтоженной комедіи.

¹⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.

²⁾ Такъ сначала называлъ эту пьесу Гоголь, но потомъ заглавіе было измѣнено по совѣту Прокоповича (См. «Русское Слово», 1859, 1, 123).

¹⁾ «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 175 и «Ревизоръ», изд. г. Тихонравова, «Очеркъ исторіи текста комедіи», IV.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 737.

VI.

Хотя комедія «Владиміръ 3-ей степени» была уничтожена авторомъ, но всѣ близкіе друзья Гоголя, какъ мы говорили, были болѣе или менѣе знакомы въ отрывкахъ съ ея содержаниемъ, а Погодинъ утверждалъ даже, что она была написана именно только въ двухъ дѣйствіяхъ. Комедіей заинтересовались Плетневъ и Жуковскій, но особенно Пушкинъ, который въ одну изъ частыхъ непродолжительныхъ отлучекъ своихъ изъ Петербурга освѣдомлялся о ней въ письмѣ къ Одоевскому: «Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть закорючка?»¹⁾ Можетъ быть, ту же комедію читалъ потомъ Гоголь на вечерѣ у Дашкова въ маѣ 1834 г., о чемъ Пушкинъ отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ такъ, какъ будто рѣчь шла объ известной и преимущественно интересовавшей пьесѣ («Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію»). Гоголь же, какъ известно, самъ придавалъ долго особенное значеніе комедіи «Владиміръ 3-ей степени», почему и у Пушкина могла потомъ явиться вполне естественная мысль передать ему сюжетъ сходства съ ней обличительнаго характера²⁾... Итакъ, эта послѣдняя пьеса была, вѣроятно, уже третьимъ по хронологическому порядку драматическимъ произведеніемъ Гоголя. Это была безсмертная комедія «Ревизоръ»³⁾.

Сюжетъ «Ревизора» данъ былъ Пушкинымъ; но, кромѣ того, въ нашей литературѣ не разъ указывалось, повидимому, поразительное, но въ сущности лишь внѣшнее сходство между «Ревизоромъ» и пьесой Квитки: «Пріѣзжіи изъ столицы». Сходство это было подробно рассмотрѣно покойнымъ Г. П. Данилевскимъ въ его «Украинской Старинѣ»⁴⁾ и г. Петровымъ въ «Очеркахъ украинской литературы», гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «У Квитки такъ же, какъ и въ «Ревизорѣ», дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ приводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученія и не надежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такія же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталкинъ,

который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и зритель уѣзднаго училища Ученосвѣтовъ, и частный приставъ Шорниъ, напоминающій Держиморду (??) и, наконецъ, *дѣтъ пріятныхъ дамы*—сестра городничаго Трусилкина и племянница его, которыя такъ же влюбляются въ «милашку ревизора». Но, прерывая пока нашу выписку, замѣтимъ, что ни судья, ни почтмейстеръ, ни особенно зритель уѣзднаго училища въ комедіяхъ Квитки и Гоголя, кромѣ одинаковаго названія должностей, не имѣютъ ни малѣйшаго сходства¹⁾, какъ равно и юный возрастъ мнимаго ревизора въ обѣихъ пьесахъ нисколько не доказываютъ заимствованія или—самое большее—могутъ подать поводъ къ предположенію о внѣшнемъ заимствованіи, не имѣющемъ ровно никакого значенія. «Здѣсь такъ же—продолжаетъ г. Петровъ—вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и онъ у нихъ занимаетъ деньги. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошено въ такую уединенную даль*»²⁾. Во всемъ этомъ сходство при ближайшемъ рассмотрѣніи оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; но есть одинъ фактъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно поразительнаго и важнаго совпаденія между обѣими комедіями: это ея развязка *и еще болѣе завязка*. Гоголь говорилъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, и въ первомъ дѣйствіи «Ревизора» есть дѣйствительно много общаго съ «Пріѣзжими изъ столицы»; но нельзя забывать, что подобныя частичныя совпаденія всегда возможны и ихъ легко указать во многихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ самыхъ замѣчательныхъ представителей всемирной литературы. Такъ, типы Плавта повторяются потомъ во французской комедіи, сюжеты Шекспира внѣшнимъ образомъ были болѣею частью заимствованные, а изъ русской литературы достаточно слѣдующихъ примѣровъ: въ концѣ третьяго дѣйствія «Горе отъ ума» Грибоедова, въ внезапномъ, нѣсколько комическомъ съ внѣшней стороны, открытіи Чацкаго среди монолога, въ самомъ пылу увлеченія, что его давно уже перестали слушать и оставили одного, можно, пожалуй, усмотрѣть нѣкоторое внѣшнее сходство съ концомъ забытой теперь пьесы Хмельницкаго «Говоруны»; наконецъ,

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, томъ VII, стр. 332.

²⁾ См. «Русскую Старину», 1889, X, стр. 134.

³⁾ Первую идею «Ревизора» подаль ему Пушкинъ, рассказавъ о Павлѣ Свищилѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то важнаго чиновника и только, зашедши уже далеко, когда сталъ, было, брать прошенія отъ колодниковъ, былъ оставленъ. («Жизнь и Труды Погодина», т. IV, стр. 334 и «Сборникъ Любителей Общества Россійской Словесности» на 1891 годъ, стр. 118).

⁴⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1881, VIII, стр. 702 и «Кіевскую Старину», 1883, т. VI, стр. 204—205.

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторые современники Гоголя находили, что какъ въ «Ревизорѣ», такъ и въ «Мертвыхъ Душахъ», изъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ значеніе въ губерніи, пропущены: стряпчій, канцелярскій, исправникъ. («Руск. Арх.», 1890, VIII, 71).

²⁾ Курсивъ подлинника.

чтеніе почтмейстеромъ и другими дѣйствующими лицами письма Хлестакова въ «Ревизорѣ» опять съ внѣшней стороны представляетъ много сходнаго съ комедіей Крылова «Пирогъ» и проч. Но не въ томъ дѣло: было-ли здѣсь внѣшнее вліяніе, или нѣтъ, не имѣетъ никакого значенія въ томъ случаѣ, когда блѣдный образецъ безконечно превзойденъ внутреннимъ имъ великимъ художественнымъ созданіемъ. «Тотъ художникъ является собственно и творцомъ извѣстнаго мотива характера или положенія, который сильнѣе его выразилъ и запечатлѣлъ въ словѣ» («Кіевск. Стар.», 1891, III, 531).

Первое капитальное различіе обѣихъ сравниваемыхъ комедій заключается въ томъ, что, согласно извѣстной теоріи Гоголя, высказанной имъ въ «Театральномъ Развѣздѣ», комедія у него «вяжется сама собой, всей своей массой въ одинъ большой узелъ»¹⁾. Такъ это и есть въ «Ревизорѣ». Кромѣ того, въ развязкѣ обѣихъ комедій есть несомнѣнное внѣшнее сходство; но у Квитки мнимый ревизоръ попадаетъ врасплохъ и несетъ заслуженное наказаніе, тогда какъ Гоголь не могъ этого допустить, вслѣдствіе несравненно болѣе глубокаго пониманія сущности комедіи: иначе смыслъ комедіи въ томъ видѣ, какъ она была задумана, былъ бы потерянъ. По объясненію Гоголя, Хлестаковъ, по окончаніи разыгранной имъ роли, долженъ исчезнуть, какъ призракъ: «Это фантазмагорическое лицо, которое, какъ живой олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкой Богъ знаетъ куда»²⁾. Притомъ цѣль Гоголя была представить городничаго наказаннымъ, уничтоженнымъ и поруганнымъ не только общественнымъ мнѣніемъ и не одной карой закона, но также, и главнымъ образомъ, собственнымъ внутреннимъ сознаніемъ. Для этого было необходимо, чтобы онъ не сдѣлался случайной жертвой злостнаго, сознательнаго обмана, но, напротивъ, запутался бы самымъ позорнымъ образомъ въ собственныхъ плутняхъ и грѣшкахъ. То же соображеніе побудило Гоголя придать почтмейстеру характеръ необычайной наивности, соединенной съ почти дѣтскимъ любопытствомъ, и создать Хлестакова пустымъ и глупымъ фактомъ или, по выраженію Гоголя, шелкоперомъ, но отнюдь не сознательнымъ обманщикомъ.

Кромѣ указанныхъ соображеній, личность Хлестакова не только получила совершенно нныя черты подѣ вліяніемъ идеи Гоголя, но и во-

обще не имѣетъ почти ничего общаго съ соответствующимъ героемъ комедіи Квитки, представляющимъ въ значительной степени блѣдный сколокъ княжнинскаго Хвастуна¹⁾. Напротивъ, Хлестаковъ кромѣ хвастовства, обладаетъ многими качествами, принадлежащими цѣлому ряду другихъ Гоголевскихъ героевъ. Своимъ тщеславіемъ и безпредѣльной пустотой онъ—близкая родня Пирогову, Ковалову, Кочкареву, Ноздреву²⁾ и Собачкину. Мѣстами попадаются поразительныя черты сходства между нимъ и Собачкинымъ. Оба они имѣютъ, на примѣръ, мелкую страстишку порисоваться и пофорсить въ разговорѣ съ дамами, оба—ничтожные и пустые хвастуны. Такъ, на вопросъ Марьи Александровны, почему Собачкинъ не женился на влюбившейся въ него будто бы безъ памяти богатой невѣстѣ, послѣдній, съ совершенно хлестаковской развязностью, отвѣчаетъ: «Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ» и затѣмъ хвастаетъ не хуже Хлестакова: «Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ,—я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаться исторію»...³⁾. У обѣихъ, наконецъ, одинаковые или чрезвычайно сходные вкусы и стремленія (оба бредятъ каретой или коляской отъ Юхима⁴⁾ и проч.). Совершенно такое же значеніе какого-то моднаго украшенія имѣли для Хлестакова его претензіи на образованность, знакомство съ литераторами. Эти черты также часто изображалъ Гоголь въ другихъ своихъ комедіяхъ. Такъ въ этомъ отношеніи Хлестаковъ представляетъ замѣтное сходство уже съ Ихаревымъ, Маниловымъ⁵⁾ и даже отчасти съ капитаномъ Копѣйкинскимъ.

Съ другой стороны, въ городничемъ находимъ типъ плута, соединившій въ себѣ отдѣльныя черты, разбросанныя въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя предшествующей поры или одновременныхъ, какъ, безъ сомнѣнія, онъ же повторился потомъ, разумѣется, въ сильно измѣненномъ видѣ, и въ Чичиковѣ. У городничаго есть много общаго даже съ Ихаревымъ и Утѣшительнымъ. Готовясь къ встрѣчѣ мнимаго ревизора, городничій разсуждаетъ: «Молодого скорѣе провухаешь. Бѣда, если старый чортъ, а

¹⁾ Такъ, напр., у обѣихъ не сходитъ съ языка выраженіе: «мы, знатные» (Ср. Драматич. соч. Квитки, II, 318 и соч. Княжнина, изд. Смирдина, I, 497 и пр.).

²⁾ Припомнимъ, напр., что Ноздревъ хвалился, будто у него есть мадера, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ».

³⁾ Т. II., стр. 477.

⁴⁾ Ср. т. II, стр. 306 и 478.

⁵⁾ Такъ Маниловъ мечтаетъ о хорошемъ обращеніи (т. III, стр. 72). «слѣдить какую-нибудь такую науку» (т. III, стр. 25).

¹⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 487.

²⁾ «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, «Предупрежденіе для тѣхъ, которые пожелали-бы сыграть, какъ слѣдуетъ» «Ревизора», стр. 1, VI. Такимъ образомъ, Гоголь не механически измѣнилъ развязку, какъ можно было бы ожидать въ случаѣ простаго заимствованія.

молодой весь на веру»¹⁾; так точно у Игарева мгновенно вспыхнула уже угасавшая надежда на выигрышъ, когда мнимый Гловъ рѣшается оставить своего юнаго сына на попеченіе Утѣшительнаго. Игареву извѣстны также люди, подобные городничему и Чичикову, которыхъ изъ притворное благочестіе и милосердіе нисколько не мѣшаетъ быть отъявленными мошенниками. («Я знаю одного» — говоритъ Игаревъ — «который склоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку»)²⁾. Такой же типъ чистокровнаго плута и подлеца, старающагося, однако, выказать себя жрецомъ добродѣтели, находимъ и въ Утѣшительномъ, о которомъ Игаревъ замѣчаетъ про себя: «Ну, вѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ»³⁾. Отсюда уже недалеко былъ для Гоголя переходъ къ типу Чичикова, патетически восклицавшему: «законъ... я вѣрю передъ закономъ!» и говорившему о добродѣтели со слезами на глазахъ. Всѣ эти черты, повторяющіяся во многихъ произведеніяхъ и у разныхъ героевъ Гоголя, были, безъ сомнѣнія, вынесены изъ его зоркихъ и неослабныхъ наблюденій надъ русской жизнью еще до отъѣзда за границу. Но, кромѣ того, задавшись въ „Ревизорѣ“ цѣлью раскрыть преимущественно наиболее обычныя служебныя злоупотребленія, Гоголь, несомнѣнно, собиралъ для этого особая свѣдѣнія (какъ и для «Игроковъ» ему былъ необходимъ специально собранный матеріалъ), и эти свѣдѣнія были имъ переданы, главнымъ образомъ, въ началѣ комедіи и въ четвертомъ дѣйствіи въ жалобахъ на городничаго, такъ же какъ, по свидѣтельству А. С. Давилевскаго⁴⁾, онъ самъ во время одной изъ поѣздокъ устроилъ своеобразную импровизированную репетицію «Ревизора» на постоялыхъ дворахъ, а по словамъ С. Т. Аксакова собиралъ выписки изъ статистическихъ книгъ и дѣловыхъ реестровъ для перваго тома «Мертвыхъ Душъ»⁵⁾. Безъ сомнѣнія, на основаніи такихъ же наблюденій Гоголь изображалъ особенно излюбленный приемъ мелкихъ плутовъ — разузнавать все необходимое для нихъ и вообще дѣйствовать черезъ слугъ; такова сцена между городничимъ и Осипомъ; но точно также и Бобчинскій съ Добчинскимъ за свѣдѣніями о заинтересовавшемъ ихъ мнимомъ ревизорѣ обратились къ буфетчику гостиницы. Нечего напоминать при этомъ о подобныхъ приемахъ Чичикова, и что тотъ же приемъ на каждомъ шагѣ практикуется героя-

ми «Игроковъ». Наконецъ, къ нему же рѣшились обратиться чиновники губернскаго города NN, чтобы разузнать получше о Чичиковѣ. «Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однако же, иногда употребляется, то есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, распросить людей Чичикова, не знаютъ-ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина»¹⁾.

Не рѣшая окончательно вопроса объ отношеніяхъ комедій Квтки и Гоголя, напомнимъ лишь, что Гоголю легче давалось яркое изображеніе жизни и созданіе характеровъ, нежели изобрѣтеніе самостоятельныхъ сюжетовъ, почти всегда повторяющихся или заимствованныхъ.

VII.

Какъ въ другихъ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя, такъ и въ «Ревизорѣ», въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ выставлена какая-нибудь наиболее распространенная черта мелкой пошлости или мошенничества. Такъ какъ главной цѣлью комедіи было обличеніе взяточничества, то, кромѣ выставленія его на позоръ почти во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, наиболее ярко клеймится оно въ городничемъ. Позднѣе мы находимъ отчасти дальнѣйшее развитіе этой темы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Мертвыхъ Душъ». Такъ, нѣкоторое сходство съ городничимъ представляетъ въ послѣднемъ произведеніи полицеймейстеръ, который «сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигалъ въ совершенствѣ» и «навѣдывался въ лавки и гостинный дворъ, какъ въ собственную кладовую»²⁾. Затѣмъ въ «Мертвыхъ Душахъ» мы встрѣчаемъ слѣдующее сужденіе одного изъ чиновниковъ: «Вѣдь извѣстно, затѣмъ берешь взятку и покрывишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? Чтобы не сказала кака-нибудь Подстега Сидорова, что на почтмейстершѣ лучше было платье, — да изъза нея бухъ тысячу рублей!»³⁾. Женская пустота и пошлость также обличаются одинаково въ обоихъ произведеніяхъ. Такъ, «пріятная дама» съ такимъ же нетерпѣливымъ любопытствомъ относится къ новостямъ, какъ и Анна Андреевна въ «Ревизорѣ». «Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богатыльня съ узенькими окнами тянулась нетерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать: «Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!»⁴⁾.

¹⁾ Т. III, стр. 216.

²⁾ Т. II, стр. 422.

³⁾ Тамъ-же, 417.

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1890, I, 106.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 77.

¹⁾ Т. III, стр. 196.

²⁾ Т. III, стр. 418.

³⁾ Т. III, стр. 173, 174.

⁴⁾ Т. III, стр. 177.

Далѣ для хода пьесы и, слѣдовательно, успѣха Хлестакова, было необходимо, чтобы всѣ чиновники и остальные дѣйствующія лица были захвачены врасплохъ и не только не были бы въ состояніи помочь другъ другу выйти изъ общаго затруднительнаго положенія, но еще больше запутывали бы себя безтолковыми догадками и соображеніями. Для этого, кромѣ сознанія своихъ «грѣшковъ», которое подѣйствовало особенно роковымъ образомъ на городничаго, для развитія пьесы послужили и пустота и страсть къ сплетнямъ въ лицѣ Добчинскаго и Бобчинскаго, несчастная слабость Аммоса Федоровича къ хитроумнымъ догадкамъ и совершенная заботность и безцвѣтность такихъ робкихъ людей, какъ Лука Лукичъ. Кромѣ того, по мысли автора «у cadaго изъ дѣйствующихъ лицъ зрительная должень быть видны постоянный предметъ его мыслей, вѣчный гвоздь, свдѣящій у него въ головѣ»¹⁾. Такъ судья имѣетъ двѣ страсти: онъ—записной охотникъ и неисправимый резонеръ. Подобно большинству уѣздныхъ умниковъ, онъ вѣчно любитъ пускаться въ фантастическія разсужденія о политикѣ, о которой имѣетъ самое смутное и наивное представленіе и которую толкуетъ по своему, доходя до всего своимъ умомъ. Эту несчастную слабость къ смѣлымъ догадкамъ Гоголь давно уже клеймилъ въ полубразованныхъ провинціалахъ; такъ, въ «Старосвѣтскихъ Пожѣжникахъ» находимъ разсказъ о томъ, что когда истощались болѣе доступныя и любопытныя для собесѣдниковъ темы, то «гость, весьма рѣдко выѣзжавшій изъ деревни, часто съ значительнымъ видомъ, съ таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и возвѣщаль, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта» или въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» первый не безъ нѣкотораго апломба передаетъ своему другу курьезный слухъ о томъ, что «три короля объявили войну царю нашему и хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру»²⁾. Въ подобныя догадки пускаются и чиновники губернскаго города относительно Чичикова, неудачно предполагая, что онъ—переодѣтый разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ³⁾ и проч.

Слѣдующее дѣйствующее лицо, попечитель богоугодныхъ заведеній, Артемій Филипповичъ Земляника, представляетъ типъ записнаго плута, наушника, человѣка каверзы. Изъ другихъ

¹⁾ «Ревизоръ», изд. г. Тихонравова. «Предувѣдомленіе», стр. XLV. Сходную мысль см. въ «Мертвыхъ Душахъ» (т. III, стр. 20, 21).

²⁾ Изд. X, т. I, стр. 236 и 416.

³⁾ Ср. «Слово Мертвыхъ души такъ раздалось неопредѣленно, что стали дозрѣвать даже, ужъ итъ-ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла» (т. III, стр. 193).

произведеній единственный примѣръ и притомъ весьма отдаленнаго сходства въ общихъ подъяческихъ пріемахъ можно видѣть развѣ въ Заухрышкинѣ въ «Игрокахъ». Но любопытно, что во время созданія «Ревизора» авторъ былъ занятъ типомъ ябедника, для чего искалъ даже соответствующаго знакомства¹⁾, и хотя это происходило уже незадолго до окончанія «Ревизора» и нужно было автору, вѣроятно, для «Мертвыхъ Душъ», но несомнѣнно должно было отразиться и на дальнѣйшей обработкѣ характера Артемія Филипповича. При сличеніи первоначальной редакціи первой сцены четвертаго дѣйствія съ окончательной, оказывается, что роли судьи и попечителя богоугодныхъ заведеній въ ней какъ бы переставлены: такъ, первая мысль дать взятку мнимому ревизору въ первоначальной редакціи приходитъ судѣ, а въ окончательной—Земляникѣ, тогда какъ судья является тамъ, напротивъ, уже въ роли предостерегателя. Это, конечно, доказываетъ, что подобно многимъ другимъ, и характеръ Земляники лишь постепенно выяснился для автора, такъ что вполне можно допустить, что на послѣдней редакціи сцены могли отразиться слѣды наблюденій, которыя Гоголь предполагалъ дѣлать надъ ябедниками еще въ концѣ 1835 г.

Лука Лукичъ Хлоповъ, по объясненію Гоголя, «ничего больше, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что». Но, какъ мы уже видѣли, подобныя жертвы постоянныхъ несправедливыхъ начальническихъ распеканій, хотя не въ окончательно обработанныхъ типахъ, встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя.

Изъ мелочныхъ чертъ сходства между «Ревизоромъ» и другими произведеніями Гоголя можно указать еще слѣдующее: въ городничемъ и Утѣшительномъ другія дѣйствующія лица поражаются ихъ безстыднымъ притворствомъ. Такъ, при увѣреніи городничаго, что онъ не играетъ въ карты и считаетъ за грѣхъ убивать на это драгоценное время, Лука Лукичъ замѣчаетъ въ сторону: «А у меня, подлець, выпотировалъ вчера сто рублей». Точно также при словахъ Утѣшительнаго: «Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько дѣтъ... Икаревъ говоритъ про себя: „Да полно тебѣ корчить!“»²⁾. Въ изображеніи ужаса присутствующихъ при входѣ жандарма Гоголь уже не въ первый разъ обратилъ вниманіе на изображеніе впечатлѣній цѣлой толпы; уже въ «Тарасѣ Бульбѣ» онъ имѣлъ въ виду сходную задачу при описаніи казни казаковъ. Люди, подобные Бобчинскому и Добчинскому, находящіеся болѣею частью на заднемъ планѣ, въ довольно сходныхъ чертахъ представ-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1880, II, 514).

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 236 и 417.

лялись Гоголю еще во времена „Миргорода“. Ср. въ „Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“: „у однихъ надежда на правосудіе, на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ панической страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочіихъ же, которые смотрятъ на весь міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ“¹⁾. Ср. въ „Тарасъ Бульбѣ“: „Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была тихъ, которые въ весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтъ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу“.

Но особенно любопытны въ „Ревизорѣ“ не разъ встрѣчающіеся доводы ad hominem, которыми однимъ дѣйствующимъ лицамъ, часто совершенно неожиданно, удается склонить другихъ въ пользу своего мнѣнія. Эти рискованные доводы, при всей своей явной нелѣпости, оказываются вполне убѣдительными для людей съ извѣстными извращенными взглядами и въ извѣстномъ положеніи. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ юношескихъ писемъ

1) „Ревизоръ“, изд. Тихонравова, стр. LIV.

Подобные примѣры часто встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя. Такъ, въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, при описаніи общаго наумленія, вызваннаго внезапной ссорой двухъ пріятелей, читаемъ: „Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная, минута, спектакль необыкновенный! И, между тѣмъ, только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ“. Также въ „Винъ“: „Собравшіеся вокругъ философа потупили головы, услышавъ такіа слова. Даже небольшой мальчикъ, котораго вся дворня считала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчикъ тоже разинулъ ротъ“. Въ „Мертвыхъ Душахъ“: „Смѣются вдвое въ отвѣтъ (на шутку начальника) обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку“ (См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 355, 398 и 418).

Гоголь напоминалъ своему бывшему школьному товарищу Высоцкому: „Глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни“. И вотъ, не одни только пороки, но и эти съ ранней юности замѣчаемыя „глупости людскія“ являются главнымъ предметомъ комическаго изображенія въ пьесахъ Гоголя. Самый блистательный образецъ тонкаго пониманія подобныхъ „глупостей людскихъ“ можно видѣть въ непостижимомъ съ нормальной точки зрѣнія и вполне естественномъ для Сквозниковъ-Дмухановскихъ волшебномъ дѣйствіи на городничаго словъ, сказанныхъ Добчинскимъ о мнимомъ ревизорѣ: „Онъ! и денегъ не платитъ и не ѣдетъ! Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ“. — „Понимаете-ли вы,—замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій,— хотя въ возможности эту чудную логку, эти резоны, эти доводы? На какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ—вотъ источникъ комическаго и смѣшнаго“. Такой же аргументъ и въ словахъ Осипа, который, будучи не въ силахъ убѣдить своего легкомысленнаго барина доводами разсудка, что послѣднему необходимо скорѣе уѣхать изъ уѣздаго города, неожиданно достигъ своей цѣли словами: „Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали!“¹⁾ Но нигдѣ въ данномъ отношеніи комизмъ у Гоголя не возвышается до такой поразительной яркости, какъ въ совѣтѣ Кочкарева Агафѣ Тихоновнѣ остановиться въ своемъ выборѣ суженаго на Подколесинѣ. На ея вопросъ о преимуществахъ послѣдняго передъ другими женихами Кочкаревъ съ эффектной развязностью принимаетъ убѣждать: „Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! А вѣдь то, что ни пошло: Иванъ Павловичъ, Никаморъ Ивановичъ, чортъ знаетъ, что такое!“²⁾ И въ самомъ дѣлѣ, эти слова мгновенно оказываютъ самое рѣшительное дѣйствіе на наивную до послѣдней степени дѣвушку³⁾.

Въ связи съ указанной чертой необходимо

1) Ср. въ „Мертвыхъ Душахъ“ неожиданное дѣйствіе на Коробочку жи Чичикова о подрядахъ.

2) Т. II, стр. 384, 385.

3) Любопытные примѣры наивностей встрѣчаются также въ словахъ Растаковскаго, спрашивающаго Хлестакова: „Не изволите-ли вы знать: Гвоздевъ Петръ Васильевичъ? Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?—Растаковскій. Петръ Васильевичъ.“ Ср. также въ „Портретѣ“: „Кто этотъ Ноль?—спросилъ художникъ.— Мосьѣ Ноль! Ахъ, какой талантъ!“ Изъ другихъ мелкихъ чертъ, встрѣчающихся въ повѣсти „Портретъ“ и повторенныхъ въ „Ревизорѣ“, можно напомнить отвѣтъ, полученный Чартковымъ на вопросъ о свѣчѣ, весьма сходный съ отвѣтомъ Осипа Хлестакову о табакѣ и проч.

отмѣтить вообще въ пьесахъ Гоголя часто повторяющіеся примѣры рѣшительнаго дѣйствія чужихъ мнѣній на людей, не отличающихся самостоятельностью. Всего ярче и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ представлено это въ „Театральномъ Разѣздѣ“: люди, которымъ въ сущности нравится комедія, не смѣютъ въ этомъ признаться и, прислушиваясь къ толкамъ, по ихъ мнѣнію, авторитетныхъ судей, тотчасъ перемѣняютъ свой взглядъ (таковы: первый офицеръ, господинъ П. и проч. ¹⁾). Въ „Ревизорѣ“ всѣ чиновники въ значительной степени живутъ умомъ городничаго; но, кромѣ того, Бобчинскій и Добчинскій, передавая чужую рѣчь, часто по своему искажаютъ ея смыслъ и показываютъ неспособность уловить сущность дѣла, вмѣсто которой схватываютъ лишь незначительныя подробности въ разговорѣ. Въ „Женитьбѣ“, въ двухъ послѣднихъ сценахъ перваго дѣйствія, Гоголь живо изобразилъ также неустойчивость мнѣній Подколесина, который, наслушавшись невыгодныхъ отзывовъ о невѣстѣ, тотчасъ же почти дословно повторяетъ ихъ, хотя только-что отъ души восхищался ею ²⁾. То же повторяется въ толкахъ о Чичиковѣ губернскихъ львицъ: „Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый неприятный носъ“ ³⁾.

VIII.

Для опредѣленія времени, когда были написаны „Игроки“, при совершенномъ почти отсутствіи какихъ-либо положительныхъ данныхъ, не мѣшаешь, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Въ 1833 году Гоголь былъ занятъ двумя пьесами: „Женитьбой“ и „Владиміромъ 3-ей степени“, но и въ слѣдующемъ году имъ не была совершенно окончена ни одна изъ этихъ комедій, хотя какъ тогда, такъ и послѣ авторъ не покидалъ своей работы надъ отдѣлкой уже начатыхъ трудовъ. Такъ продолжалось и до лѣта 1835 г., когда его планы и намѣренія въ литературной сферы были крайне неустойчивы, что не могло, въ свою очередь, не отразиться задержкой на дальнѣйшей обработкѣ все еще ожидавшихъ болѣе благоприятной поры произведеній. Въ половинѣ іюня онъ писалъ матери: „Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. Если буду къ вамъ, то не раньше августа“. Но вскорѣ онъ почувствовалъ утомленіе и для

поправленія здоровья отправился въ Крымъ, откуда предполагалъ проѣхать на Кавказъ, какъ вдругъ, за недостаткомъ денегъ, вынужденъ былъ направить путь въ родную Васильевку. Во время путешествія Гоголь обдумалъ много новыхъ литературныхъ плановъ. Въ іюлѣ онъ уже изъ деревни писалъ Жуковскому: „Сюжетовъ и плановъ нагромодилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что если-бъ не жаркое лѣто, то много бы изшло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочитанною вамъ“ ¹⁾. Между этими замыслами, кромѣ повѣсти „Шинель“ и другихъ, былъ, безъ сомнѣнія, „Ревизоръ“, мысль о которомъ не оставляла Гоголя, когда на обратномъ пути въ Петербургъ, уже въ концѣ лѣта, онъ заѣхалъ въ Кіевъ къ Максимовичу, а оттуда двинулся черезъ Харьковъ и Москву съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Данилевскимъ. Между этими замыслами, которыхъ было „множество“, могли быть и „Игроки“. Съ другой стороны, къ нимъ могутъ относиться и слѣдующія строки Гоголя въ одномъ письмѣ къ Пушкину: „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. *Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію.* Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами“ ²⁾. Такъ какъ въ томъ же письмѣ Гоголь уже говоритъ выше о „Женитьбѣ“ и еще о другой комедіи, которую предполагалъ *поставить на сцену* и какою могъ быть, слѣдовательно, только „Ревизоръ“, и такъ какъ, наконецъ, комедія „Владиміръ 3-ей степени“ была начата и частью написана гораздо раньше, — то, въ случаѣ осуществленія мысли Гоголя, плодомъ ея могла быть только комедія „Игроки“, если и начата раньше, то теперь обогащенная новымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что она-то именно и была, можетъ быть, основана на анекдотѣ ³⁾.

Далѣе — издавая въ свѣтъ свои драматическія произведенія въ 1842 г., Гоголь поручилъ Прокоповичу сначала напечатать, какъ болѣе крупныя и законченныя вещи, „Ревизоръ“ и „Женитьбу“, а затѣмъ уже помѣстить остальные подъ общимъ заглавіемъ: „Драма-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1871, 4, 5, стр. 948. Но непонятно, какимъ образомъ *еще съ маѣ* Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Подтавы, будто бы на перепутьѣ на Кавказъ или въ Крымъ. („Русское Слово“, 1859, I, 86).

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1880, II, стр. 514.

³⁾ См. толки публики въ воспоминаніяхъ Аксакова о Гоголѣ: „Игроки“ — старинный анекдотъ, да и всѣ рассказы „Игроковъ“ извѣстныя происшествія“ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, 91).

¹⁾ Т. II, стр. 434, 495—497 и проч.

²⁾ Тамъ-же, стр. 380 и 381. Еще яснѣе это въ первоначальной редакціи, гдѣ Подколесинъ говоритъ о себѣ: „Самъ-то я не знатокъ: никакъ не разберешъ, которая выгладитъ, какъ слѣдуетъ“ („Русск. Стар.“, 1874, II, 324).

³⁾ Т. III, стр. 181.

тические отрывки и отдѣльныя сцены, съ 1832 по 1837 г.¹⁾, и изъ нихъ выдвинуть, опять вѣроятно въ качествѣ болѣе или менѣе цѣлой пьесы, „Игроки“. Искать здѣсь какихъ-либо намековъ на хронологическую послѣдовательность нѣтъ никакой возможности, потому что авторъ, очевидно, вовсе не руководился ею и при расположеніи пьесъ имѣлъ совершенно инныя основанія. Но какъ бы то ни было, въ одномъ мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, — что общая дата, выставленная на заглавномъ листѣ передъ мелкими драматическими пьесами (отъ 1832 г. по 1837) должна быть вѣрна и что автору не было никакой цѣли прибѣгать въ данномъ случаѣ къ мистификаціи. Допустивъ это, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно должны отнести комедію „Игроки“ къ самому концу петербургскаго періода и къ началу заграничной жизни Гоголя. Но послѣдній годъ жизни Гоголя въ Петербургѣ былъ почти всецѣло поглощенъ „Ревизоромъ“ и только сохранившіеся отъ того времени черновые наброски „Игроковъ“ являются доказательствомъ, что пьеса была *начата* въ Петербургѣ, а окончена была, вѣроятно, уже за границей въ 1837 году²⁾. Кромѣ этихъ соображеній, есть еще нѣсколько мелочныхъ; такъ, напр., въ сравненіи Утѣшительнымъ сыра съ квартирмейстеромъ слышится

несомнѣнный отголосокъ обычныхъ шутокъ Гоголя съ Щепкинымъ преимущественно во время ихъ свиданій въ Москвѣ въ 1835 г., тогда какъ самая пьеса оставалась совершенно неизвѣстною М. С. Щепкину до конца 1842 г.¹⁾. Со всѣми остальными пьесами Гоголь его болѣе или менѣе познакомилъ во время личныхъ свиданій до отъѣзда за-границу. Изъ мелкихъ чертъ сходства „Игроковъ“ съ другими произведеніями Гоголя отмѣтимъ только упражненія Ноздрева „въ подбораніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дожинъ картъ одной талин, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга“²⁾.

По отъѣздѣ за границу, Гоголь не прекращалъ своихъ работъ надъ написанными комедіями, но занимался ими только урывками, преимущественно приготавливая ихъ къ печати незадолго передъ отправленіемъ рукописей въ Петербургъ къ Максимовичу. О новыхъ пьесахъ, написанныхъ имъ за границей, за исключеніемъ одной переводной, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но достоверно, что въ 1839—1840 гг. Гоголь началъ было писать драму изъ малороссійской жизни, временъ казачества. Пьеса эта вскорѣ была уничтожена и ею окончились навсегда труды Гоголя въ этой области.

В. Шенрокъ.

¹⁾ „Русское Слово“, 1859, I, 120.

²⁾ См. въ письмѣ Гоголя Прокоповичу: „Посылаемую вамъ пьесу „Игроки“ насилу собралъ. Черновые листы такъ были уже даны и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать“ („Русское Слово“, 1859, I, 120).

¹⁾ См. срч. Гог., т. III, стр. 207 и „Библиотека для чтенія“, 1864, II, статья Аванасьева „М. С. Щепкинъ и его записки“ и „Русскій Архивъ“, 1888, IV, 557 и соч. Гог., V, 504.

²⁾ Т. III, 207.

